

Куриный бог

На рассвете Леха ждал у лодочного сарая: переминался с ноги на ногу, пихал носком сапога лежащие на песке весла, от нечего делать смотрел на Озеро. Смотреть было не на что, все как всегда: вода серая, горы вдалеке черные, за горами желтое и розовое, трещина в небе почти погасла, один тонкий бледный след остался. Левой рукой Леха перекатывал в кармане куриного бога. Бог был шершавый и похож на плоское яйцо. Леха держал его двумя пальцами посередине и проворачивал указательным — тупой конец, острый, снова тупой...

Куриного бога он сменял у Жеки на три ручки без стержней и настоящий карандаш, хороший еще, почти с палец длиной. За карандаш могло влететь, но Лехе очень нужна была удача. Еще он думал, не купить ли иконку у бабы Веры, но она брала продуктами, а на краже яиц Леха уже однажды попался и больше ремня получать не хотел. Да и иконки у бабы Веры были на здоровье, на любовь, на хороший урожай — на каждой своей святой с молитвой и наговором. Для удачи святого не было. Зато куриный бог сработал: два года Дядь-Саша отказывался Леху брать на нырок, а стоило поменяться с Жекой — и согласился!

Желтого над черными горами стало больше, а розового — меньше, чайка-попрошайка завела свое «дай-дай-дай», звук прокатился по воде, и тут наконец пришел Дядь-Саша.

— С утра на посту? Или любишься? Это правильно... Вынимай руки из карманов — пошли за лодкой.

Леха сглотнул и быстро закивал. Дядь-Саша открыл дверь сарая. Внутри было сумрачно, и среди темных рыбацких лодчонок белела в полумраке та самая, дядь-сашина.

Лодку Дядь-Саши издалека все отличали. Она была очень старая — сделали ее еще до того, как небо альены порвали, и не из дерева, а из металла. Вдоль облупившегося борта тянулась блекло-розовая полоса, а к корме крепился самый настоящий мотор. Не

работающий, конечно. Батя Дядь-Саше предлагал его снять, за бесплатно — нет, отказался. Батя еще убеждал: солярки давным-давно нигде нет, зачем эта приبلуда на корме, а в хозяйстве бы пригодилось. Нет, не поддался Дядь-Саша.

На этой лодке Дядь-Саша прибыл в Новые Еланцы три года назад. Леха еще мелкий тогда был. Повезло: они с пацанами тогда как раз подбили баклана и собирались его запекать в золе на берегу. Баклан, конечно, фигня, а не птица, и рыбой воняет, но жрать можно, особенно если другой еды нет. И только они развели костер на берегу, как из-за мыса показалась чужая лодка. Солнце уже садилось, вода блестела так, что глаза резало, только и видно было черное остроносое пятно. Но все поняли, что это чужак — так легко летела по волнам лодка. Ее заметили не только пацаны: рыбаки, которые вернулись с Озера и устроились на перекур, побросали самокрутки и приложили ладони козырьками ко лбам.

Чужая лодка пристала к берегу неподалеку от костра, оттуда выпрыгнул человек и затащил ее под скалы, поднял со дна какой-то мешок. В тени скал ничего не разглядеть было, только белела в сумерках мягкая кепка. Зато, когда чужак вышел к костру, Леха, стыдно сказать, первым заорал и помчался со всех ног к домам. За ним с криками и визгами понеслись пацаны. Никто же тогда не знал, что это Дядь-Саша. А с непривычки любой бы заорал...

Может, если бы это был не Дядь-Саша, а кто-то другой из чужой деревни, рыбаки бы его лодку быстро забрали в хозяйство. Попросили бы по-хорошему. А так сами растерялись немножко и согласились проводить чужого человека к председателю.

Что там Дядь-Саша Пал Палычу говорил, что доставал из своего мешка, никто не знал. Леха тогда дома трясся. Да и если бы пришел к председательскому дому, ничего бы не выяснил. Там половина еланчан собралась, а Палыч все равно гостя за закрытой дверью принимал. А потом всем велел сказать, чтобы нового жителя не трогали, работе его не мешали, а если кто его снаряжение попортит или попытается спереть, тому Палыч сам руки шаловливые оборвет.

Новые Еланцы такого раньше не видели. Зато потом поняли, когда Дядь-Саша взял с собой Кольку Баторгаева, и они отправились на Озеро на этой самой лодке, которую всем пацанам в деревне было запрещено трогать даже пальцем.

Сейчас Леха оказался в числе счастливичков, для которых сделали исключение. Обеими руками он ухватился за шероховатый борт, и вместе с Дядь-Сашей они вытащили лодку из сарая и поволокли к воде. Она оказалась легкая, хоть из металла — вот что значит старая работа!

Только теперь, когда Леха схватился за борт, он до конца поверил, что Дядь-Саша берет его с собой. Орать от счастья было стыдно, да и вдруг бы Дядь-Саша решил, что Леха — человек несерьезный, с которым нельзя иметь дело. Поэтому он только часто задышал через нос, чтобы выпустить избытки счастья наружу, а то они порвали бы его изнутри, как ветхий пластиковый пакет.

— Что сопишь? — спросил Дядь-Саша. — Запыхался, что ли?

— Нет, — быстро сказал Леха. — Это я так.

Нельзя было, чтобы Дядь-Саша заподозрил у него проблемы с дыхалкой. Да никаких проблем и не было — зря, что ли, Леха все прошлое лето тренировался нырять то в бухте Печальной, то в озерце Подкове, которое прогревалось уже в мае? Нырял и считал про себя: раз, два, три, четыре... Сложнее всего было не начинать считать быстрее, чтобы побольше вышло. Мать ругалась, что он все дела по дому забросил, и Леха никак не мог ей объяснить: важнее всего, чтобы Дядь-Саша поверил в лехины таланты. Поверил и больше не сумел отказать, как все прошлые разы, когда Леха просился с ним. Так что Леха нырял до посинения. А потом выменял у Жеки куриного бога.

— Когда вернетесь, Александр Игоревич?

Леха и не заметил, как подошла Надька-Маяк, а она тетка грузная, над землей не порхает. Леха засунул руку в карман и скрутил кукиш — мало ли. Кто знает, что ей в башку стукнет.

— Часам к четырем вернемся, Надежда Викторовна. Вы ловушки проверять?

— Их. Если повезет, рыбу коптиться поставлю.

Сетей у Надьки-Маяк, конечно, не было, во-первых, потому что баба, а во-вторых, потому что дура. Мужа у нее тоже не было, чтобы рыбачил, и она придумала какие-то свои ловушки, которые ставила возле берегов и ловила сорную рыбу. Будь она в порядке, Палыч бы давно ей мужа подыскал, чтобы не пропадала тетка, а с Надькой какой дурак свяжется? Разве что Дядь-Саша рискнул, да и то он не муж — постоялец и историю с альенским маяком не застал.

Альенский маяк стоял на верхушке сопки давным-давно, говорили, что его поставили еще раньше, чем базу и полигон на затонувшем Острове. Остров тогда, понятное дело, еще не затонул. Но на Острове наверняка было что-то интересное: база! полигон! — а в маяке ничего особенного не было. Ну штырь, ну в небо торчит. Внизу короб металлический наглухо приварен. Леха с пацанами сто раз на сопку бегал, хотя место считалось нехорошим. Может, до того как небо альены порвали, маяк и работал, но то ли сломался, то ли его ободрали еще до появления Новых Еланцов и оставили только бесполезный штырь.

Когда Леха был маленький, мужики решили маяк снести, а штырь пустить в дело. Только ничего из этого не вышло. Пила его не взяла, выкопать тоже не получилось, так и бросили. А Надька тогда узнала новости и бежала до самой сопки, как молоденькая. Батя рассказывал, она взбесилась — на людей бросалась, маяк собой закрывала, кричала про последнюю надежду. Мужики ее пытались по-хорошему успокоить, кто-то пошутил даже: это ты Надежда последняя в деревне — нет, никак. Пришлось силой унимать, немножко. Батя говорил: лежала потом, дрожала. И что дергалась? Уцелел ее штырь драгоценный. А Надька почти перестала с людьми разговаривать. Баба Вера говорила: это ее бесы грызут, потому что она с альенами водилась, до того как небо порвали. Надька местная была, с Острова. Повезло: и эвакуироваться успела, когда грохнуло, и в Новых Еланцах обжилась, пальцем ее никто не тронул, а тут вдруг мозги спеклись из-за маяка, нужен он ей был три раза. Баба Вера сказала, что и маяк проклят, и стоит он на нехорошем месте, и ставить его альенам помогал сатана, вот поэтому его

никто свернуть и не может. А Надьку гнать надо. Но тут уж Палыч вмешался и дуру обижать запретил, из-за альенов ведь пострадала. А когда Дядь-Саша появился, его к Надьке определили постояльцем. И ничего, зажили. Дядь-Саша тоже альенов застал, но отделался только лицом, обошлось.

Дядь-Саша подтолкнул лодку, и она закачалась на утренней серой воде. Леха скинул в нее весла. Дядь-Саша привязал лодку к поросшему зеленому столбику и засунул под сиденье темный сверток. Леха снова засопел — он знал, что там, под плотной тряпкой, пацаны сто раз рассказывали.

Потом пришлось таскать вместе из сарая камни, по одному за раз, больше было не поднять. Леха таскал и не жаловался. Один камень — один шанс, он бы половину берега перетаскал, да лодка не вместила бы. Однако, когда камни закончились, руки у Лехи начали подрагивать, а футболка промокла на спине, и мокрого пятна неприятно касался прохладный ветерок. Надька успела уйти далеко — на дороге, ведущей к лесу, виднелась ее грузная приземистая фигура.

— Ловушки-пироги, как же. Маяк пойдет щупать, вдруг сперли за ночь.

— Поплыли, — сказал Дядь-Саша и поморщился.

Второго приглашения не требовалось. Леха запрыгнул в лодку и пристроился на холодное сиденье. Следом запрыгнул Дядь-Саша и взял весла.

— Давай я буду грести, а, Дядь-Саш?

— Сиди. Тебе нырять еще, устанешь.

— А далеко мы?

— К Сахюрте.

Леха присвистнул разочарованно. Затонувшую Сахюрту со всеми ее туристическими кемпингами и базами уже только ленивый не обыскивал. Батя рассказывал, в первое время вещи оттуда переселенцам очень помогли. Бате пять лет было, и они с дедом тоже вылавливали на мелководье всякое-разное. Леха и сейчас спал под одеялом из

кемпинга, и даже штамп «Солнечный ветер» в углу до конца не стерся. Технику тоже доставали, да и просто доски, тряпки, мелочевку всякую. Только это было сто лет назад! Ну, не сто, ну, тридцать, только чего теперь ловить в этой самой Сахюрте, песок месить только!

Разве что...

— Альенскую захоронку брать будем, Дядь-Саш? — полушепотом спросил Леха.

Дядь-Саша вздрогнул.

— Какую еще захоронку?

Леха улыбнулся насмешливо: уж теперь-то, когда поплыли, чего притворяться, в прямом смысле слова в одной лодке остались! Про альенскую захоронку в Новых Еланцах даже самый сопливый пацан слышал. Что лежит она на дне, а где — никто не знает, шкатулка металлическая, а в ней сокровища. И что первому встречному в руки она не дастся — обожжет до кости. Баба Вера говорила, что это из-за черта, который в шкатулке сидит, и надо ее крестить три раза, прежде чем в руки брать. Ага, много там накрестишь под водой. И даже куриного бога с собой не возьмешь, разве что в рот, на дне-то обе руки нужны...

Но если уж кто мог найти альенский клад, то только Дядь-Саша. Чутье у него было. Пашка говорил, это потому что альены ему памятку на лице оставили. Что Дядь-Саша черной щекой чует, куда поворачивать надо, а полузакрытым глазом видит, где останавливаться. Может, и врал, только Дядь-Саша и правда такие вещи со дна поднимал, каких никто больше не отыскивал. Тем и жил — не рыбачил, хозяйства не держал, только на нырок и ходил.

— Так клад же, Дядь-Саша. Штуки альенские. Чтобы погоду менять, чтобы людей своей воле подчинять...

— Людей подчинять, — пробормотал Дядь-Саша. — Как будто это кому-то было надо...

— А чего им надо было, Дядь-Саша?

Дядь-Саша потерся целой, белой щекой о куртку на плече и вдруг усмехнулся половиной рта.

— Чтобы теплее было. Знаешь такую песню? «От улыбки станет всем теплей»...

— Светлей, — буркнул Леха. Знал он эту песню, мать пела, когда он был маленький. А Дядь-Саша теперь с ним говорил, как с маленьким. Несерьезно.

— Ну и светлей тоже, — согласился Дядь-Саша.

— Ага. Вот светло стало, когда небо порвалось!

На это Леха ответа не получил. Дядь-Саша мерно греб и молчал.

Развести Дядь-Сашу на рассказы про альенов никак не получалось, хотя он-то их видел и был уже взрослый, когда они небо порвали. Тогда у него лицо половинчатым и стало. Но рассказывать он об этом отказывался. Даже когда добрел, отделялся парой слов, а пацанов это не устраивало. Всем хотелось знать: правда, что они могут наслать бурю? А рыбу отогнать от берега? А лесные пожары от них? А правда, что у них по шесть пальцев и кожа зеленая? Сведения были получены Лехой и остальными еще в далеком детстве от бабы Веры и считались надежными, но сравниться с рассказом настоящего свидетеля не могли. Поэтому, когда пацаны узнали, что Дядь-Саша видел альенов, повели на него атаку по всем правилам, но обломались. Даже пьяный Дядь-Саша — а попивал он крепко, — держал язык за зубами, а после пятой вместо рассказа заводил песню. Всегда одну и ту же.

— Ты мор-ряк, а каждый моряк — подводник! Сбрось же крестик за бор-п-рт[1]...

Так и рычал, дыша самогонкой, у дверей надькиного домишки, а потом вваливался внутрь. Наутро ходил похмельный, и даже белая половина его лица казалась какой-то темной. Никаких рассказов ни про альенов, ни хотя бы про рваное небо.

Про то, как небо рвалось, Леха от матери знал. Она тогда совсем маленькая была, а запомнила. Рассказывала, как сначала загудело, а потом небо стало розовым посреди дня. И еще говорила про мертвых воробьев. Их тогда много было, мать запомнила: они

с дедом и бабкой бежали, а вокруг перья, перья комками... Альенов она не видела, да и жила в Чистых Ключах. Сейчас этих Ключей уже и на свете не было.

Батя и того меньше говорил. Сволочи, говорил. Потом думал и добавлял: все. А расспрашивать было бесполезнее, чем Дядь-Сашу — можно было и по башке словить. А что альены сволочи, и так понятно было. Лесные пожары ведь... и рыба еще...

— Дядь-Саша, а багор где? — спохватился Леха.

— Зачем тебе?

— А если омулина?

Леха представил, как омулина поднимается из глубины — здоровая, как бревно, в серебристой чешуе, — и как поддает носом снизу, так что лодка сразу переворачивается.

— На севере сейчас омуль. Нерест у него там. Раньше сентября не вернется.

— Кто ее знает, рыбину, — проворчал Леха, но ему стало легче.

И то правда, в последнее время рыбаки только мелочь добывали. Говорили, что раньше омулина тоже была мелкая, ее сетями ловили и еще спорили, какие ячейки делать, чтобы молодь не задерживать. А в последние годы ее так разнесло, что ей эти сети все равно что паутина. Только багром и острогой бить. Леха про себя решил, что если омулина все же покажется, он у Дядь-Саша весло отберет, и веслом ее, гадину, веслом!...

Лодка вышла из-за мыса, и впереди, насколько хватало взгляда, лежало Озеро.

Дядь-Саша взял курс вдоль берега. Лехе он так грести и не давал, только иногда останавливался и отдыхал. Солнце поднялось выше, и вода возле лодки из серой стала зеленой, с белыми клочьями пены возле весел, а вдаль — гладкой и голубой. Прямо по курсу торчал черный Клык — все, что осталось от Острова. Когда Леха впервые прочитал в учебнике, что «остров — часть суши, со всех сторон окруженная водой», то подумал: все правильно. И с боков, значит, окруженная, и сверху. Это потом он узнал, что раньше Озеро было меньше, и над водой было куда больше Острова, чем сейчас.

Вместе с базой альенской. База ушла под воду первой и глубже всего, там со дна даже Дядь-Саша со своей снарягой ничего не мог добыть. Хотя Леха все равно мечтал, что они как-нибудь... Ну да ладно. Сахюрта так Сахюрта.

Да Сахюрты плыть было недалеко, и чем ближе она становилась, тем сильнее ерзал Леха на сидении. Батя его брал только на рыбалку, поэтому Леха подводный поселок раньше не видел. Из пацанов только Жека и Пашка Жмых туда ходили, с пашкиным старшим братом. Пашка потом подбивал остальных отправиться туда ночью, но дело заглохло, потому что не удалось добыть лодки. Пашка долго жалел, что затея провалилась, Леха вслух с ним согласился, как остальные, а про себя подумал: ну и ладно. Все знали, что место там нечистое.

Сейчас, конечно, была не ночь, но Леха все равно ерзал.

— Дядь-Саш, — специальным равнодушным голосом сказал он, когда они в очередной раз остановились, — а до мыса вещи из Сахюрты не доносят?

— Нет, там течения такого нет. Подожди, до Сахюрты недолго осталось.

— А как же мертвяки? — выпалил Леха.

Дядь-Саша смешно моргнул.

— Какие мертвяки?

— Которые в Сахюрте живут под водой. И на берег ночью выходят.

Это из-за мертвяков плыть с Пашкой ночью в Сахюрту никто не рвался. Разбудили их давным-давно, когда вещи с мелководья таскали. Может, кто-то зашел глубже, чем стоило, или сетью зацепил... Леха пожалел, что не прихватил с собой иконку бабы Веры. Крест крестом, а с иконкой было бы спокойнее. Он снова сжал в кармане куриного бога.

— Так и выходят? — уточнил Дядь-Саша.

— Ага. Их парень из Хорхоя видел. Он на омулину отправился охотиться, а на него мертвяк из воды полез. Ну, парень ему багром ноги перебил, а потом по башке вломил. А нечего на берег лазить, если в воде живешь.

— Так он что, на омуля ночью пошел? — Весла снова ударили по воде, лодка поплыла дальше.

— Выходит, ночью, — согласился Леха, хотя получалось и правда странно: какой дурак омулину ночью бьет?

— А ты сам-то с ним говорил?

— Не, я хорхойских не знаю. Просто все говорят.

— Никто на дне не живет. — Дядь-Саша налег на весла. — Рыба и рачки только. Про подводную деревню — выдумки все и суеверие.

— И мертвяков нет? — протянул Леха.

— Мертвяки... — Дядь-Саша снова дернул углом рта, вроде улыбка, а вроде и нет. — Есть. Те, кто во время катастрофы спастись не успел. Только никуда они уже не выйдут. Мертвые — они и есть мертвые, Алексей, а Озеро — их могила.

Тут Дядь-Саша вроде бы спохватился и добавил быстро:

— Но ты не бойся, из Сахюрты людей быстро эвакуировали. Если кто и погиб, то далеко отсюда, в воздухе.

— Чего там бояться, — Леха фыркнул с облегчением, — подумаешь, трупы.

Дядь-Саша вздохнул.

Берег тянулся теперь по правую руку, уже незнакомый. Леха так далеко заплывал только с батей на рыбалку. Здесь была настоящая глубина, вода внизу казалась темной, плотной. Леха вдруг испугался: а как искать что-то в этой воде? Он изо всех сил пытался разглядеть дно, и сначала видел только гладкие волны и пену, но потом из

глубины вдруг проявилось что-то новое: темное, большое, неподвижное, с чересчур ровными краями для камня...

— Крыша! — крикнул сразу пересохшим ртом Леха и навис над бортом, вцепившись в него обеими руками. — Дом, Дядь-Саша!

— Это не дом. Беседка. Здесь когда-то собирались посидеть компанией. Сахюрта близко.

Дядь-Саша повернул лодку ближе к берегу. Леха вглядывался в глубину. Сердце у него колотилось часто, горло пережимало. Дно снова пропало из вида, какие-то размытые пятна появлялись и исчезали, один раз мелькнуло что-то белое — кости?! Потом Озеро стало мельче, можно было разглядеть камни в оплетках водорослей, проплыла мимо здоровенная шина — откуда она тут взялась, одна? Промелькнул косяк рыбной мелочи, сверкнув боками. Леха подумал про омулину, а потом вспомнил — она на мелководье не водится. И вдруг показалось среди синего, черного, зеленого яркое оранжевое пятно с белой полосой посередине.

— Прибыли, — сказал Дядь-Саша. — Кемпинг.

Дядь-Саша спустил якорь — привязанный к толстой веревке черный гладкий камень в плетеной сетке. Солнце стояло совсем высоко, Озеро просвечивалось до дна, и Леха видел, как якорь тяжело бухнулся вниз рядом с палаткой, замутив воду.

— Одевайся, герой.

Дядь-Саша достал из-под сидения сверток. Леха чуть не забыл, как дышать, когда из чехла показался знаменитый костюм — черный, толстый, сплошной, воняющий резиной. На спине у него виднелись какие-то крепления, словно рама от саней. С первого взгляда становилось понятно, почему Дядь-Саша нанимал пацанов — сам он, хотя был не толстый, ни за что бы в этот костюм не втиснулся. Леха наклонился и осторожно потрогал крепления.

— А это к чему, Дядь-Саша?

— Баллоны с воздухом сюда крепились. Была бы у нас пара баллонов, ты бы по дну гулять мог. Как мертвяк твой сказочный. Только их сейчас не достать.

Лехе сравнение с мертвяком не понравилось, но он промолчал и принялся раздеваться. Сдернул штаны, футболку, перешитую из дедовской, с надписью «Россия», стянул носки, скатал и запихал в сапоги. Ветерок тут же прошелся по голому телу, кожа схватилась пупырышками. Леха поспешно сгреб чудо-костюм. Надевать его оказалось неудобно, руки и ноги с трудом пролезали в резиновые штанины и рукава, а изнутри резина оказалась вроде водоросли-губки и прилипла к телу второй кожей, неприятно. Лехе представилось, как костюм прирастает к его телу, и он не может раздеться, отдирает резину с кровью, отлепляет поры-присоски... Он поежился — лезет же в голову всякое!

Дядь-Саша истолковал его движение по-своему.

— Холодно? Ничего, согреешься. В воде зато будет тепло.

Леха кивнул. Не будь этого костюма, ничего бы Дядь-Саша не выловил. Были ныряльщики, которые пытались за сокровищами в Озеро лезть голышом. Сердце прихватит — и привет, искатель сокровищ, был и нет человека.

— Шлем не забудь и маску.

Леха натянул шлем, который капюшоном болтался за спиной, и взял у Дядь-Саши из рук прозрачную маску. Прорезиненная ткань тут же прилегла к щекам, прилипла, Леха тряхнул головой. Внезапно стало жаль, что зеркала нет — посмотрел бы, что за чудище из него вышло. Маска, хоть и чистая, все равно оказалась потертой и поцарапанной, и мир вокруг стал похож на картинку в старом потрепанном журнале.

— Руки подними.

Леха вскинул руки к небу, костюм заскрипел и как будто даже запищал. Дядь-Саша обвязал его под мышками длинной веревкой и завязал тройной узел. «Как собаку», — подумал Леха, но промолчал. Об этом его предупреждали. А если на дне плохо станет, лучше уж, чтобы тебя на веревочке вытянули.

— Теперь слушай, Алексей, — сказал Дядь-Саша. — Нырнешь — не геройствуй, поймешь, что воздуха мало — выныривай сразу. Здесь должно быть метра четыре. Нырнешь с камнем, до дна дойдешь — попробуй ухватиться руками, тогда сможешь осмотреться. На дне осторожно, может быть проволока или острые детали, сам не поранься и костюм не порви. Увидишь что-то интересное — попробуй поднять. Если поднять не сможешь — тяжело или находка зацепится за что-нибудь, выныривай, подумаем вместе, что делать. Но главное: не геройствуй. Понял?

— Понял, Дядь-Саша.

Лехе даже обидно было: что Дядь-Саша с ним, как с пятилеткой, уж как-нибудь не захлебнется и не провалится, и костюм не угробит. Главное, чтобы омулина не подкараулила, но если она правда на севере сейчас гуляет, то вообще без проблем.

— Раз понял, камень бери.

Леха покатал по дну круглый белый камень, посверкивавший боками на солнце. Поднял двумя руками, лодка качнулась.

— На ногу себе не урони.

— Дядь-Саша! Что я, маленький?

— Маленький, — согласился вдруг Дядь-Саша.

Сам бы и нырял тогда, если так! Леха засопел, но быстро оставил это дело: маска от сопения начинала запотевать. Он поднялся на ноги и встал у борта. Обида тут же выветрилась, стало не до нее, когда Леха глянул вниз, в покрывшуюся мелкой рябью прозрачную воду. Вода была холодная даже на вид. Над оранжевой палаткой плыли верткие мальки. В животе что-то скрутилось, как тряпка, которую выжимают, и немножко затошнило. Леха облизнул губы.

— Готов?

— И-эх! — отчаянно крикнул Леха, глубоко вдохнул и прыгнул в прозрачную воду.

Камень быстро потянул его вниз. Несмотря на слова Дядь-Саши, Леха ждал, что озеро обожжет его холодом, а когда холода не ощутил, от удивления едва не выдохнул весь запас воздуха. Но обошлось. Смотреть через маску оказалось странно — немного воды внутрь залилось, но все равно было четко видно, как приближается поросшее травой дно. Леха никогда не думал, что под водой можно так удобно смотреть.

Он отпустил камень и ухватился руками за траву. Боялся, что стебли будут скользить, но перчатки помогли. Леха завис вниз головой, болтая ногами, обернулся вверх через плечо. Над ним была прозрачная толща воды — со дна она казалась намного светлее, чем сверху, солнечные прожилки в ней мерно колыхались, сплетались в яркую сеть, от которой рябило в глазах. Справа нависало темное пятно лодочного дна, как необычно ровная туча. Через борт перегнулся Дядь-Саша — проверял, как там ныряльщик. Веревка, которой был обвязан Леха, провисла и покачивалась вместе с волнами. Вторая веревка, от якоря, разрезала пополам воду, как натянутая тетива.

В груди начало подпекать — Леха спохватился и развернулся к поросшему черной травой дну. Рыжее пятно палатки лежало неподвижно, воздух из-под нее вышел давным-давно. Леха, перебирая руками, подобрался к ней вплотную, освободил одну руку и хлопнул ладонью по яркой ткани, присыпанной кое-где песком. Под рукой оказалось твердое и бугристое, потом что-то хрустнуло. Леха потянул палатку, чтобы найти вход, но только бестолково цеплял то один кусок, то другой. Внутри что-то перекатывалось, стучалось боками. Воздуха становилось все меньше. Тогда Леха рывком ухватил палатку двумя руками, как мешок, и потащил вверх, дрыгая ногами. Она поддавалась не сразу, на полпути Леха застрял — что-то внизу мешалось, не пускало. Он поглядел вниз — ко дну тянулись не замеченные раньше веревки. Леха в отчаянии дернул раз, другой и почувствовал, как ослабевает хватка дна. Так тебя! Он рванул еще раз, палатку перекосило, из открывшегося входа на дно посыпались вещи, что-то сверкнуло в пробивающихся с поверхности лучах. Тянуть стало легче, и Леха яростно дернулся всем телом и всплыл.

Вынырнув, он широко хватил ртом воздух, закашлялся и чуть не ушел снова под воду. Дядь-Саша ударом весла подвел лодку ближе, и Леха ухватился за ее жесткий борт,

прислонился к металлическому корпусу. Второй рукой он по-прежнему цеплялся за оранжевую ткань.

— Я тебе что сказал? — Возле самого носа Лехи показалась загорелая ладонь в мелких черных оспинках. Леха ухватился за нее, и Дядь-Саша выдернул его из воды. — До последнего в воде не сидеть!

— Вот, — просипел Леха и тряхнул сжатым кулаком.

В четыре руки они с Дядь-Сашей стали затаскивать добычу в лодку. Почти как сети с батей вытягивать. Палатка стала легче — что-то еще просыпалось в Озеро, но все равно получился увесистый мешок, который они опустили на дно лодки. Следом втянулись веревки с погнутыми крюками — вот что не пускало и цеплялось за дно!

Дядь-Саша приподнял край палатки, и они с Лехой принялись доставать добычу. Сначала вещь брал Дядь-Саша, быстро поворачивал в пальцах, осматривал и передавал Лехе. Говорил «нос» или «корма», и Леха раскладывал находки в две кучки. На нос попадали ценные вещи, на корму — хлам, который никуда не сбыть.

Да, это не альенская захоронка всплыла: вещи все оказались знакомые хотя бы по рассказам, но все равно хорошие. Нашелся и складной нож, отличный, почти не ржавый. Был моток веревки, не самоделки, которая расползалась в руках, а прочной, из гладких бело-синих волокон. Отвертка с черной ручкой, почти целый коврик, треснувшее зеркало. Еще кружка металлическая, не сплюсцилась почти. Но бесполезной дряни оказалось больше.

— Может, за борт это все, а, Дядь-Саша? — не выдержал Леха, когда прозвучало очередное «на корму». — Что мы, с собой этот мусор потащим?

— Не тебе грести. — Дядь-Саша повертел в руке треснувший пластиковый стакан. — Корма. А Озеро тебе не помойка.

— Лежало же там это все и дальше бы полежало, — проворчал Леха. — Большое дело.

— Большое. Корма.

— Эй, Дядь-Саш! — встрепенулся Леха. — Она же целая!

Дядь-Саша протягивал ему бутылку, пластиковую, чудом не растрескавшуюся. Она была полна воды, поэтому не всплыла. На синей крышке еще сохранились белые буквы «Вода Байкала». У матери были три такие, она в них разливала ягодный морс, пока зимой одна из бутылок не лопнула на морозе — мать тогда ругалась так, что у соседей слышно было! «Та-а-а-ак!...», — и пошла!..

— Этого добра по всему дну хватает.

— Пригодится. Если тебе не нужна, я могу взять.

— Бери. — Дядь-Саша махнул рукой. — Мне не жалко.

Леха просиял и засунул бутылку в сапог. Только раз нырнул, а уже с прибылью! А ему еще Дядь-Саша долю был должен. С одной палатки куриного бога Леха окупил!

Вещи кончились. Дядь-Саша встряхнул палатку и отложил. За нее одну он месяц мог кормиться — хоть охотникам пригодится, хоть разведчикам. Удачливый был Дядь-Саша! Хотя и в бога не верил, и приметы не соблюдал ни рыбацкие, ни охотничьи. Может, имелись у него свои амулеты и обряды, только о них никто не знал, да и Леха ничего не заметил.

— Дядь-Саша, а правда, что ты к шаману не пошел, когда он звал?

— Не пошел. Что мне у него делать?

Шаман жил один, в лесу за деревней. Еланчане приносили ему еду и самогон в обмен на предсказания, обереги и мази. С бабой Верой у него была война.

— Ты и к бабе Вере не ходишь. Она говорит, на тебе альенская порча, поэтому ты боишься даже в дом к ней зайти.

Дядь-Саша улыбнулся, показав желтоватые зубы.

— Можно и так сказать.

— Порча?!

Леха постарался незаметно отодвинуться. Сплюнуть незаметно было бы совсем никак. Но Дядь-Саша и так увидел, вздохнул.

— Глупости. Но после альенов на самом деле ни к каким шаманам и бабкам не пойдешь, что правда, то правда. Отдохнул? На второй заход готов?

— Ага. — Леха кивнул, а сам про себя прикидывал: трогал он Дядь-Сашу или нет, чтобы не через костюм? Когда булыжники носили? Или еще раньше, когда лодку из сарая вытаскивали? А то и раньше?..

Да нет, если бы Дядь-Саша был заразный, порча бы уже на половине деревни лежала. Наверное, она так, через руки, не передавалась.

— Ага, — повторил Леха уже радостнее и подобрал новый булыжник. — Пошел я.

Во второй раз он не растерялся, воздуха набрал, как положено, и так спустился до дна. На дне ухватился за корягу и принялся осматриваться. Видно было хорошо, хотя и непривычно: словно глядеть из бутылки. Вокруг валялись вещи, которые высыпались из палатки. По правую руку виднелся плоский черный чехол. Перебирая руками, Леха сдвинулся в сторону, и вдруг в пробившемся сверху солнечном луче что-то блеснуло под самой корягой. Он поскреб дно — под пальцами проскользнуло гладкое. Леха стал поспешно сметать песок, и наружу показалась пластина размером с три ладони, плоская и твердая. Леха потянул за край, но она плотно засела в песке, а дергать было страшно — вдруг сломается. Тогда он стал окапывать одной рукой находку по краям, как камень на огороде. Оказалось, что она вовсе не толстая, стоило прорыть совсем немного, как песок оказался уже не только с боков, но и под самой пластиной. Стоило рискнуть и потянуть снова, как она подалась, вылетела из-под коряги, замутив воду. Воздух уже заканчивался, Леха сунул находку под мышку, поспешно схватил со дна примеченный раньше чехол и поплыл вверх.

— Как успехи? — Дядь-Саша уже разложил их добычу по мешкам и сворачивал палатку в плотный оранжевый рулон. — Что-то ты там застрял на одном месте.

— Вот, нашел.

Леха еще не вылез из воды, он держался рукой за лодку и качался, как поплавок. Замечательная штука был костюм Дядь-Саши — хоть полдня в холодной воде сиди. Второй рукой он протянул через борт чехол.

— А, ремнабор. — Дядь-Саша потер ладони. — Хорошая штука.

Еще бы не хорошая! Во всех Новых Еланцах полный ремнабор имелся только у Витьки Ведьмака, и одалживал он его под такой залог, что проще пальцами шурупы вкручивать!

— Полный?!

— Проверим. — Дядь-Саша щелкнул застежкой. — Ага, мелкой крестовой не хватает, но это ничего.

— И-ха! — вскрикнул Леха и от радости кувыркнулся — чуть не упустил пластину, которую так и держал под мышкой. Спohватился, перехватил ее в воде и снова вынырнул.

— И вот еще штука. Это чего, Дядь-Саша?

Дядь-Саша замер с открытым ремнабором в руках, и лицо у него сделалось... не лицо, а деревяшка раскрашенная. Светлая половина еще сильнее побелела, черная мелко задергалась. Целый глаз сделался круглый и страшный, как у совы. Леха испугался: не удар ли хватил, — но тут Дядь-Саша отбросил драгоценный ремнабор в сторону, чуть в воду не попал, и выхватил у Лехи пластину из рук.

— Где? Где взял?!

Где, где... так и хотелось ответить по-простому, в рифму, вопрос-то дурацкий. На дне, конечно, где еще?! Но Леха не рискнул, слишком уж дикий вид был у Дядь-Саши. Еще зарядит по башке веслом, как омулину!

— Под корягой застряла...

— Еще там были? Да что ты ртом хлопаешь, ныряй, ищи!

— Передохнуть бы, Дядь-Саша... Воздуху глотнуть.

«Ртом хлопаешь...» Сам бы попробовал по дну поползать, посмотрел бы Леха на него. Дядь-Саша моргнул и вроде опомнился.

— А. Да, конечно. Отдохни. Но как в себя придешь — сразу вниз!

Он говорил, а его пальцы ощупывали находку, стряхивали прилипший песок, гладили ласково, как щенка. Леха сам подтянулся и перевалился через лодочный борт, сел на скамью, лодка закачалась.

— А что, эта штука ценная? Много за нее дадут?

— Дадут, дадут, — проворчал Дядь-Саша, — ты все об одном. Тебе бутылку пластиковую дай, ты уже счастлив, питекантроп.

Леха поджал губы. Дядь-Саша, конечно, в своей лодке хозяин, но обзывать за чем? Ладно, он наемник, его дело — нырять за плату, может вообще ни слова не сказать больше.

Дядь-Саша поднял глаза и засмеялся, коротко и сухо, как закашлялся.

— Обиделся... Будущее со дна поднял, а сам только об одном и думает. Ничего, еще вернем тебя в состояние хомо сапиенс!

Ни слова, упрямо пообещал себе Леха. И пусть говорит, что хочет, лишь бы потом при дележе не обделил. Снова стало легко и просторно дышать, высоко поднявшееся солнце припекло спину под слоем резины, и Леха решил: пора.

— Я пошел, Дядь-Саша.

— Вперед.

Даже глаз не поднял. «Ничего, — подумал Леха, — сейчас как достану... достану как...»

И правда, достал, только не пластину. Не попалась на этот раз. Зато нашел перчатки, хорошие, плотные, и сковороду, помятую с одной стороны. Из палатки выпали, должно быть. А Дядь-Саша не оценил. Он так и возился с лехиной находкой, того и гляди расцелует. А когда увидел перчатки, не обрадовался, наоборот — рассердился.

— Ты, Алексей, вроде не глухой? Я что тебе сказал искать?

— Так не было такой больше, ими дно не выложено!

— Не дерзи. Барахло так не забыл подобрать.

— Ничего себе, барахло, — не выдержал Леха. — Дед у Соловьевых прошлой зимой руки сильно поморозил, потому что рукавицы потерял, ты его спроси, барахло это или нет.

Дядь-Саша оторвался от пластины своей драгоценной и смотрел на Леху долго, так что у него по спине мурашки побежали, хотя костюм хорошо держал тепло.

— М-да, — сказал Дядь-Саша. — И правда. Какие нам вышки дальней связи. Какая нам цивилизация. Какие там сигналы о спасении. Зато у деда руки в тепле. Значит, так. Слушай мою команду. На дне не отвлекаться, искать такие же пластины, как эта. Все силы на это бросить.

— А если не найду, на обратном-то пути можно будет захватить? Ну под носом же богатство валяется!

— Богатство... Ладно, но только на обратном пути. И не вздумай делать вид, что ищешь, и мусор всякий подбирать!

— Что я, врать буду что ли, — проворчал Леха, хотя так и тянуло нормально обшарить все под лодкой. Но обманывать Дядь-Сашу было себе дороже. Выгонит. Значит, оставалось искать эту самую пластину, чтоб ее...

Он нырял раз за разом, и все без толку, кончилась лехина удача. А может, дядь-сашина кончилась, Лехе-то бы за глаза хватило того, что валялось на дне, хватай и собирай. Но нет, пришлось ползать и смотреть во все глаза, не сверкнет ли где. Только когда воздух

кончался, Леха подбирал, что под руку подворачивалось, и всплывал. Дядь-Саша все это время возился на корме. На ныряльщика не глядел даже, веревку ногой прижимал. Когда Леха поднимался, Дядь-Саша коротко на него зыркал, убеждался, что пластины нет, и снова отворачивался. Так оно и продолжалось, муторно, бесполезно. Солнце ползло по небу, пробиралось между облаками. Где-то там была альенская памятка, небесная полоса, трещина, но днем ее не разглядеть, только в темноте. Иногда Дядь-Саша брался за весла и отгонял лодку подальше, бросал якорь на новом месте и все повторялось. Леха смотрел на растущую кучу добычи на дне лодки, но теперь она почему-то его не радовала, как раньше. Словно радость у него Дядь-Саша отобрал.

Булыжников осталось три штуки, Леха выбрал потяжелее. Подумал со злостью: да что теперь, все равно ничего ценного толком не собрать, а возьмет ли его с собой Дядь-Саша в другой раз — еще вопрос. Надо было побыстрее заканчивать и забирать, что причитается, начали-то они хорошо, пока эта блестяшка не подвернулась.

Камень быстро утянул Леху вниз. Спускаясь, он видел пустое дно — на неудачное место завел их Дядь-Саша. Зря только прыгнул. Надо было времени не терять, а сесть на весла и самому отогнать лодку подальше. Он отпустил камень, и почти сразу подмигнул ему из темной глубины веселый солнечный блик... Леха рванулся вниз, чтобы перехватить булыжник, не дать придавить находку!

Не успел.

Леха только подгребал ко дну, а камень уже тяжело бухнулся на песок, точно накрыл блестяшку. Леха чуть не взвыл, пустил пузырь, но, быстро загребая руками и ногами, подплыл ближе, ухватился за какое-то бревно рядом. Камень со дна не получалось поднять, и Леха толкнул его в бок раз, другой. Скользкий твердый бок поехал в сторону, внизу что-то отчетливо трещало, и Леха понимал: это она, та самая штука, ради которой Дядь-Саша велел все бросить, бесценная! Она трещала и ломалась, но булыжник все-таки откатился в сторону. Леха моргнул и чуть не разрыдался со злости. Пластина лежала на дне, продавленная с левой стороны, покореженная, в сети трещин, она скалилась осколками и походила на странный колючий цветок. Леха потянул ее

наверх, и осколки с краю тут же осыпались на дно. Слезы все-таки вскипели на веках, полились внутрь, в маску — это ж надо было быть таким дураком!

В груди уже становилось тесно и горячо, но Леха, кое-как зацепившись ногами за гнилое бревно, свободной от пластины рукой стал собирать осколки с песка. Может, Дядь-Саша придумал бы, что с ним делать... может, стал бы меньше злиться... А хоть и прибил бы — Леха бы сам себя убил, честное слово!

Ожила веревка — дернулась как бы нехотя, а потом сильнее. Дядь-Саша, значит, спохватился. Горло и грудь уже горели, и надо было бы подниматься, но осколки все не кончались и все время пытались вывалиться из руки. Что-то круглое, гладкое, как обкатанный камешек, валялось рядом, и Леха в запарке прихватил и его тоже. Вербка уже не дергалась — натянулась до предела, Дядь-Саша тянул его из воды, как рыбину на крючке, и под мышками резало даже сквозь костюм. В ушах шумело и стучало, не так, как обычно гудит под водой, а как дятел в лесу: тук-тук-тук-тук. Леха кашлянул, и чуть не захлебнулся, холодная озерная вода пролилась в рот. Он поспешно выпустил ее струйкой наружу, но дышать стало уже совсем нечем. Леха — была не была! — вытащил ногу из-под бревна и оттолкнулся. И понял, что не доплывет. Лодка темнела высоко-высоко над головой, и там же было небо, и солнце, и много-много воздуха, а не колышущаяся стеклянная вода. Руки и ноги вдруг стали вдвое, втрое тяжелее, ребра, кажется, ломало изнутри, Леха дергался, как раздавленный жук. Но веревка тянула наверх, тащила, и он махнул руками еще раз, и еще раз, и еще, наверх, к свету...

Он вынырнул на поверхность и даже ухватиться за борт не сумел, только вскинул руки над лодкой. Запястья сразу же словно в клещи взяло. Леха зажмурился и открыл рот. Горло и ниже как будто наждаком ободрало, но чистый свежий воздух лился внутрь, и от этого чистого воздуха стало так хорошо, как никогда в жизни.

Его потянуло наверх, и Леха навалился грудью на борт, лодку мотнуло. Он неловко задергал ногами и задницей и, как червяк, заполз внутрь. Из ушей словно пробку выбило, и Леха вдруг понял, что Дядь-Саша все это время ругался.

— ...паршивец! Я что говорил? Кому говорил?! Куда полез геройствовать, ты, утопленник!

Леху заколотило, он попытался подняться на ноги, но не смог и бухнулся на колени. В маске было мокро не то от просочившейся воды, не то от слез, и черно-белое лицо Дядь-Саши казалось размытым, неясным даже на ярком солнце. Леха часто заморгал:

— Дя-а-адь-Саша...

— Я те дам, «Дядь-Саша»! Связался тоже!

— Слома-ал... — просипел Леха и протянул руки. Потом спохватился и разжал кулаки. Солнце весело заиграло в осколках, в покореженной пластине, пустило зайчик в глаза и Леха зажмурился. Очень не хотелось смотреть, как Дядь-Саша придет в ярость.

— Ты что же, — тихо сказал Дядь-Саша, и Лехе стало еще страшнее, — из-за этого?..

— Прости, Дядь-Саша...

Крепкие руки сгребли его, осколки ссыпались с ладоней, что-то простучало мелко по дну, и Леха подумал: сейчас из лодки выбросит! — как вдруг его к чему-то прижало. Леха открыл глаза. Перед глазами была мягкая куртка Дядь-Саши. Ладонь прошлась по его затылку, прямо поверх шлема, Леха бы и не почувял, наверное, если б Дядь-Саша не погладил с такой силой.

— Ты чего же, Лешка, — сказал он глухо. — Ты из-за солярки... А что бы я матери твоей сказал? А?

Леха шмыгнул носом. Мало того, что горло все еще драло после ныряния, так теперь еще и из носа текло, и из глаз, как будто Леха на дне пропитался водой, как губка, и теперь эта вода выходила наружу, когда Дядь-Саша его сдавил.

— Преступная халатность...

Леха толком не знал, что это значит, но Палыч, председатель, всегда ругался так в самых страшных случаях: когда на зиму не хватало дров или мяса, когда лодки были не готовы к сезону. Палыч заковыристо ругался, и просто по матери, и непонятно, но эта самая халатность Лехе больше всего запомнилась.

Руки за его спиной разжались, и Леха плюхнулся на дно. Лодка теперь искрилась от рассыпанных тут и там осколков, стояла веселая.

— Герой... все, никаких больше заплывов сегодня.

Леха вяло возмутился:

— Да я сейчас отдохну...

— По дороге домой отдохнешь. Снимай маску, снимай, всё... Нет, костюм пока оставь, в нем теплее будет...

Леха стянул маску и шлем-капюшон. Мир сразу стал четче, привычнее, ласковее. Леха посмотрел за борт, в зеленую воду и вздрогнул, представив, как снова погружается. В груди стало жечь от одной мысли. Нет, больше он не полезет. А если что, всегда можно сказать: Дядь-Саша запретил... Слово Дядь-Саши в лодке закон.

Непонятный шум с кормы заставил его подскочить.

— Сядь, Лешка! — весело крикнул Дядь-Саша. — Поплывем с ветерком! Сюда, на корму садись!

Леха моргнул. Его находка, драгоценная пластина, торчала посреди нахлобучки на корме и горела неживым светом. Под руками Дядь-Саши переливались какие-то цифры, линии, узоры, это было красиво и совсем ни на что не похоже. И не заканчивалось низкое густое жужжание, словно внутри нахлобучки проснулся шмелиный рой.

— Это чего, Дядь-Саш?..

— Солярка, Лешка! Солярка, солнечная батарея... — Дядь-Саша постучал ногтем рядом со сверкающей пластиной. — Чудо просто: столько лет на дне пролежала, а цела. Отлично сделана! Ну, погнали!

Одним махом он перерубил веревку с якорем. Весла так и лежали на дне лодки, и Леха даже потянулся к ним, но тут Дядь-Саша нажал что-то, повернул, и лодка сама по себе

рванулась вперед, рассекая воду острым носом, и понеслась так быстро, словно в нее запрягли трех омулин разом. Леха вскрикнул и вцепился в сиденье. Дядь-Саша сел на нос у руля.

— Да не бойся ты, чудака! Держись крепко.

Ветер ударил в лицо, свежий и холодный, забился в ноздри, в открытый рот. Будь на Лехе не костюм в облипку, наверняка бы надулся, вон, у Дядь-Саши куртка пузырем. Леха наклонился и опасливо подтянул к себе футболку — сдует еще в Озеро, мать потом убьет...

— Дядь-Саш... ты колдун? Настоящий?

Сидеть в одной лодке с колдуном было страшновато, но от восторга и от скорости екало в животе. Уйти на Озеро с Дядь-Сашей и раньше считалось настоящей удачей, а уж если он еще и колдун!..

Плечи Дядь-Саши поникли, ссутулились.

— Два поколения, — услышал Леха негромкое бормотание. — Два поколения — и пожалуйста: колдуны по деревням, мертвяки, шаманы, бабки бесноватые... А ведь они другое время помнят, бабки, в молодости в мессенджерах сидели и в соцсети фоточки кидали для лайков! И как отрезало. Жить в лесу, молиться к-колесу! Сами виноваты, конечно...

— А? — рискнул спросить Леха. Дядь-Саша и раньше иногда говорил непонятно. Конечно, если он был колдуном, это многое объясняло, им положено знать много странных волшебных слов.

— Не колдун я, Лешка. Нет никакого колдовства. Есть... была умная хорошая техника. Вот, осколки подбираем. И черт бы с ней пока с остальной, хоть маяк оживим, с другими связаться. Надежда заждалась. А они ее душой назвали, сами дураки последние!

Дядь-Саша даже притопнул для убедительности, и на дне лодки что-то подскочило и звякнуло. Дядь-Саша обернулся и подобрал блеснувший на солнце металлический

кругляшок, который Леха притащил вместе с осколками, счистил с него песок. Усмехнулся одним ртом.

— Институт альтернативной энергетики... В свое время едва не дрались за такие значки. Презентации, конкурсы, диссертации! А теперь ряской зарастают на дне... Заслужили.

Кругляшок выкатился из его руки и упал на дно. Леха, которого подташнивало от качки и скорости, неловко сцапал его и рассмотрел. На маленькой круглой пластинке было изображено солнце: кружок и широкие лучи от него. И совсем маленький кружок сбоку, Леха не понял, что он значит. И буквы внизу: «И АЛ ЭН». Как заклинание. И-а-лэн... Ал-эн...

Все сошлось. И черно-белое лицо, и то, как Дядь-Саша находил самые богатые места, и дивная солярка, и гудение на корме.

Мама говорила: сначала загудело...

— Дядь-Саша, — пересохшим ртом спросил Леха и сжал в кулаке верного куриного бога, — ты альен?..

Дядь-Саша, который смотрел куда-то на приближающийся берег, вздрогнул и посмотрел Лехе в лицо.

— Можно и так сказать. Альен...

— Чур меня, чур! — завопил Леха и отшатнулся, повалился лопатками на корму, судорожно крестясь. Дальше отползать некуда было, дальше было только Озеро, и Леха хотел уже прыгать за борт, но руки и ноги не слушались — заколдовал, альен проклятый! Куриный бог подвернулся под руку, Леха стиснул его в ладони. — Иже еси, ом мани!

— Лешка! — позвал Дядь-Саша непривычным, умоляющим голосом и поднял пятнистую ладонь. Он сидел вполоборота, одной рукой продолжая рулить. — Ты... не торопись с выводами. Нет никаких чудищ по ущельям. Люди есть... неплохие в целом

люди, обычные, с хорошими намерениями. Мы, Алексей, в свое время ошиблись сильно. Как ты там говорил... преступная халатность.

Дядь-Саша поднял глаза и посмотрел на небо, туда, где по ночам появлялась трещина.

— Лунные станции, спутниковые базы... Одни обломки остались. Те, кого вы альенами зовете, первыми жизнью поплатились. Вот и здесь база первой под воду ушла, так поневоле поверишь в судьбу и карму. Не знаю, что в других странах, но ведь до сих пор никаких новостей, никаких проблесков... Да и кто там выжил, остальные отпускники? Преступная халатность... А ведь предупреждали, докладные были, расчеты были, но у нас же эффективность! У нас же экономия! Я совсем зеленый тогда был, сидел в своей лаборатории, и то до меня отзвуки верхних баталий долетали. А мое дело было простое: что руководство скажет, то и делай. Что я мог, со своими поправочными коэффициентами...

Дядь-Саша расправил сутулые плечи и ударил кулаком по колену. Черно-белое лицо его перекосилось, стало совсем ни на что не похоже, как скомканная обгорелая бумага.

— А теперь что делать? Не Луну же обратно склеивать! Ответственности с себя не снимаю, но делать-то что?! Но ничего... Сейчас на маяк, на маяк, может, кто-нибудь еще... где-нибудь... Может, хоть одна база...

Дядь-Саша отвернулся и протяжно шмыгнул носом.

Весло ударило его по голове, и Дядь-Саша, вскрикнув, вывалился из лодки. Вслед за ним выпало весло из рук Лехи. Если бы они шли, как обычно, Дядь-Саша бы мог ухватиться за борт, но силами чудо-пластины лодка пролетела дальше, оставляя за кормой пенный след, и без управления сделала широкую дугу, волна перехлестнула через борт. Леха повалился на переднее сидение, вцепился в руль, видя, как Дядь-Саша забил руками, нырнул, снова высунул голову из воды; волны швыряли его, как ветошь. Потом лодка выровнялась и снова взяла курс вдоль берега, домой.

— Леша-а-а! Лешка! — услышал Леха, а может, придумал, потому что лодка гудела и уносила его все дальше от Дядь-Саши.

Леха не решался оборачиваться. Трогать солярку и светящиеся кнопки тоже не рисковал. Он сидел, вцепившись в руль, и смотрел прямо перед собой. Слезы текли у него по лицу, ветер резал глаза, и на дне лодки подпрыгивали, стукались боками о добычу и друг о друга странный альенский значок и удачливый куриный бог.

[1]Строки из песни О.Медведева «Крестик».